
Бывший, верни мне сына!
Яна Дмитриева

Яна Дмитриева

Бывший, верни мне сына!

«Автор»
2026

Дмитриева Я.

Бывший, верни мне сына! / Я. Дмитриева — «Автор», 2026

— Уберите мальчика из зала! Его не должно быть на фотографиях!Я бы с удовольствием обсудила с матерью бывшего её талант распоряжаться чужими жизнями. Но мальчик повернул голову — и я перестала дышать.У него на шее было родимое пятно. Точно такое я видела у своего новорождённого сына.Четыре года назад мне сказали, что он умер.А сегодня я организую помолвку мужчины, которого когда-то любила. Он женится на другой, его мать по-прежнему командует всем вокруг, а я вдруг понимаю: возможно, у меня отняли не только любовь.У меня отняли ребёнка.Документы лгут. Свидетели молчат. А женщина, которую мальчик зовёт мамой, готова бороться за него не меньше меня.Максим, можешь оставить себе невесту, деньги и свою безупречную семейку. Но на этот раз я не уйду молча.Бывший, верни мне сына!

© Дмитриева Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧУЖОЙ ПРАЗДНИК 5
Глава 1. Гость, которого не ждали 5
Глава 2. Улыбайтесь, вас покупают 9
Глава 3. Лифт, который знал слишком много 12
Глава 4. Сколько стоит хорошая память 15
Глава 5. Беременность как семейный проект 18
Глава 6. Заказчик всегда неправ 22
Глава 7. Женщина, которую он зовёт мамой 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Яна Дмитриева
Бывший, верни мне сына!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧУЖОЙ ПРАЗДНИК

Глава 1. Гость, которого не ждали

— Мальчика уберите из зала. Он не должен попадать в кадр.

Я обернулась на голос заказчицы и едва не сбила локтем пирамиду из бокалов. Впрочем, бокалы были застрахованы, а моё душевное равновесие — нет. Поэтому сначала я спасла хрусталь, потом посмотрела на Ирину Леонидовну Долину.

— Куда именно убрать ребёнка? — спросила я. — В гардеробе свободна одна вешалка. Но возрастного тарифа у нас пока нет.

— Алиса, — произнесла она с тем выражением, с каким взрослые сообщают глупому щенку, что ковёр дорогой. — Это деловое мероприятие. Здесь будут журналисты.

— Технически это помолвка вашего сына.

— Именно. Постарайтесь не путать понятия.

По её мнению, помолвка отличалась от делового мероприятия наличием кольца и фотографа. Я работала координатором крупных праздников достаточно долго, чтобы знать: богатые люди женятся не чаще остальных, просто у них даже сервировка способна довести человека до увольнения.

В загородном комплексе «Белый берег» пахло белыми пионами, дорогим деревом и разогретой проводкой. Режиссёр церемонии второй час спорил с осветителем, которому поручили сделать любовь «чуть теплее». Флористка молча отпаивала орхидеи. Двести приглашённых ожидали услышать, что Максим Долин и Лада Горская решили связать судьбы. Семьи ожидали услышать это несколько громче: сразу после вечера должен был появиться пресс-релиз об объединении долей двух медицинских холдингов.

Я согласилась вести мероприятие, зная, кто жених. Согласилась и три раза пожалела, потом перестала считать. За четыре года я научилась говорить «добрый вечер» людям, которым когда-то хотела объяснить устройство своей боли наглядно и желательно тяжёлым предметом.

За час до начала церемонии у нас успели пропасть три микрофона, приехать не те свечи и поссориться два флориста. Один утверждал, что орхидеи нужно держать в прохладе. Второй говорил, что прохлада делает их угрюмыми. Я предложила дать цветам возможность высказаться через профсоюз, после чего оба наконец занялись работой.

Женя принесла список последних изменений. Там было четырнадцать новых пунктов: изменить подсветку стола жениха, переставить камеры, закрыть боковой вход для гостей, выделить отдельного охранника для детской комнаты. Последний пункт мне не понравился. Обычно детей на мероприятиях охраняли ради безопасности, но здесь все изменения касались того, чтобы их меньше видели.

— Кто это утвердил? — спросила я.

— Помощница Долиной. Та, которая носит серебряные часы и считает, что мы существуем по предварительной записи.

— Покажи письмо.

В письме не было ничего подозрительного: стандартные распоряжения, корректные формулировки, подпись. Я внесла изменения в план, но оставила копию в рабочей переписке. У

организатора мероприятий должна быть память лучше, чем у гостей, особенно когда гости потом уверяют, что ничего не просили.

В зал вошёл Глеб Долин и сразу направился к бару. Я перехватила его у стойки, когда он уже собирался попросить что-то покрепче кофе.

— Глеб Андреевич, до церемонии ещё час.

— Замечательно. Значит, могу без спешки подготовиться к роли счастливого отца.

— Рекомендую начать с воды.

— Вы суровы. Ирина бы вас оценила.

— Не уверена. Она считает, что суровость должна принадлежать только руководству.

Он рассмеялся, потом неожиданно спросил, как я живу. Я сказала, что работаю. Он хотел добавить что-то ещё, но вошла Ирина, и лицо у него мгновенно стало светским. Мне показалось, что даже взрослый мужчина в собственном доме боится произнести лишнее слово при жене.

Через несколько минут Максим прошёл мимо нас с телефоном. Он разговаривал по делу и почти не видел зал. На секунду наши взгляды встретились. Я узнала знакомую складку между бровями. Раньше мне хотелось разгладить её пальцем. Теперь хотелось спросить, сколько раз за четыре года он вспоминал имя нашего сына.

Я отвернулась и пошла проверять расстановку столов. Сотрудник охраны сообщил, что во флигель уже привезли детские вещи: игрушки, бутылки воды и специальное меню. Няня Мироновых ещё не приехала. Я записала это в рабочем журнале и в тот момент не придала значения. Позже именно эта запись заставила меня вернуться к спискам гостей: если поездка ребёнка была незапланированной, почему отдельную комнату подготовили заранее?

Под столом с подарками кто-то зашуршал. Оттуда появился игрушечный динозавр, следом маленькая рука и, наконец, мальчик лет четырёх в синей рубашке. Он внимательно посмотрел на меня.

— Вы здесь главная?

— Только пока не пришла настоящая главная, — ответила я.

Он покосился на Ирину Леонидовну, уже удалявшуюся к гостям.

— Она сердится, если я бегаю.

— Она сердится, когда кто-нибудь дышит вне расписания. Не принимай близко к сердцу.

Мальчик хихикнул. За ухом у него торчал светлый вихор. Он держал динозавра двумя руками, как небольшое и очень важное доказательство собственной занятости.

— А ты кто? — спросила я.

— Даня. Меня сегодня привезли, потому что няня заболела. Папа сказал, что я должен сидеть тихо. А я уже сидел. Целых сто лет.

— Потрясающее терпение для человека твоего возраста.

— Мне четыре.

— В таком случае сто лет — серьёзный срок.

Он улыбнулся, отвёл со лба чёлку, повернул голову к свету. На шее ниже воротника мелькнула коричневатая отметина с неровным краем. Внутри меня что-то беззвучно оборвалось.

Я знала эту отметину.

Не могла знать. Повторяла себе это столько лет, что фраза стала почти молитвой. Но я видела её — у собственного новорождённого сына. Медсестра повернула младенца ко мне всего на секунду. Я не успела разглядеть пальцы, не успела поцеловать макушку. Успела заметить пятнышко возле ключицы, похожее на маленький разлитый лист чая.

— Покажи динозавра, — сказала я, потому что голос должен был сказать хоть что-нибудь.

Даня поднял зелёную игрушку.

— Его зовут Геннадий.

— Достойное имя для хищника.

— Он не хищник. Он бухгалтер.

— Тогда ещё страшнее.

Я заставила себя улыбнуться. Мальчик засмеялся, и этот смех оказался обычным: громким, хрипловатым, совершенно не знакомым. Я уцепилась за эту незнакомость, как за поручень. У детей бывают одинаковые родимые пятна. У детей бывают одинаковые глаза, вихры, ладони. В мире миллионы детей, и никакая мать не должна делать выводы из собственной надежды.

— Данечка! — к нам подлетела женщина в кремовом костюме. — Я же просила тебя не уходить.

Она присела, поправила ворот рубашки, поцеловала мальчика в висок. Он мгновенно прижался к ней, так естественно, что мне стало стыдно за мысль, мелькнувшую секундой раньше.

— Простите, — сказала женщина. — Он ужасно любопытный.

— Это пока не запрещено, — ответила я.

— Я Татьяна Миронова.

Она протянула руку. Ладонь у неё была холодная. Я назвалась, и Татьяна не сразу отпустила мои пальцы. Её лицо на миг изменилось: не страх, скорее узнавание, слишком быстро спрятанное за светской улыбкой.

— Алиса Бережная? Вы работаете на этом празднике?

— Именно сегодня.

— Понятно. Даня, пойдём.

Мальчик махнул мне динозавром. Татьяна увела его к боковому выходу, не оглянувшись. Только у двери наклонилась, чтобы застегнуть верхнюю пуговицу на его рубашке. Совсем закрыла шею.

— Ты бледная, — сказала Женя, появляясь с планшетом и двумя рациями. Моя подруга умела материализоваться в самые неудобные минуты и приносить сразу все рабочие проблемы. — Скажи, что не из-за жениха. С женихом ты договорилась ещё в понедельник: смотреть можно, трогать нельзя.

— Кто такие Мироновы?

Женя скосила глаза на экран.

— Руслан Миронов. Инвестор, медицинское оборудование, фармацевтическая логистика. Жена Татьяна. Сын Даниил. А что?

— Ничего. Мальчик заблудился.

— Тогда не смотри так, будто он украл у нас сцену.

В другом конце зала заиграл пробный свадебный марш. Максим вышел из переговорной в тёмном костюме, на ходу поправляя запонки. Я четыре года представляла, что однажды увижу его и не почувствую ничего. План был красивый, как большинство неосуществимых планов.

Он увидел меня сразу. Остановился, будто кто-то назвал его старым именем.

И в этот момент мальчик, уже исчезнувший за дверью, вернулся бегом: забыл Геннадия на столе. Он врезался Максиму в ноги, отскочил и поднял голову.

— Дядя Макс, а можно я возьму ещё печенье?

Максим присел перед ним. В его лице появилось выражение, которого я никогда не видела: простая, незащищённая нежность.

— Только одно. Мама будет ругаться.

— Мама говорит два, папа говорит ни одного. Я решил посередине.

Они засмеялись. Я смотрела на их лица — одно взрослое, другое детское — и вдруг обнаружила ещё одно сходство. Не глаза, не волосы. Манеру прищуриваться, когда смешно.

Максим поднял голову. Увидел, куда я смотрю. Улыбка исчезла.

— Алиса?

Я услышала своё имя, но не ответила. Потому что впервые за четыре года мне захотелось не убежать от прошлого, а схватить его за плечи и вытрясти из него все ответы.

Глава 2. Улыбайтесь, вас покупают

Если вам когда-нибудь потребуется узнать, что такое настоящая выдержка, устройте праздник мужчине, которого любили, и женщине, которую он собирается взять в жёны. Главное — не забыть накануне заказать достаточное количество салфеток. Некоторые эмоции всё-таки предпочитают бумагу.

— Ты хорошо выглядишь, — сказал Максим, когда мне удалось оттащить его от стола с десертами.

— Должностная обязанность. Никто не доверит бокалы координатору, похожему на конец света.

— Я хотел позвонить.

— Четыре года? Наверное, аккумулятор сел.

Он опустил глаза. Раньше от этой паузы у меня сжималось сердце. Теперь меня раздражало, что после четырёх лет молчания у него всё ещё получается выглядеть человеком, которому сложнее, чем остальным.

— Нам нужно поговорить.

— У тебя через семь минут выход. Советую начать разговор с невестой.

— Ты прекрасно знаешь, о чём я.

— А ты не знаешь, почему я здесь. Давай сохраним равновесие.

Женя подала мне по рации сигнал о начале световой пробы. Я развернулась. Максим осторожно коснулся моего локтя и сразу убрал руку, почувствовав, как я напряглась.

— Прости.

В этом слове было слишком мало места для всего, что он сделал и чего не сделал. Я не ответила.

У зеркальной стены стояла Лада Горская, стройная, прямая, в платье оттенка сливочного мороженого. У некоторых женщин красота напоминает погоду: бывает милой, пока не начнёт управлять чужими планами. Лада умела улыбаться даже в тот момент, когда выбирала, кого уволить.

— Алиса, — позвала она. — Цветы в моей зоне заменили?

— Да. Белые ранункулюсы вместо кремовых. Как просили.

— А мальчик?

— Какой мальчик?

Она застыла на долю секунды.

— Ребёнок Мироновых. Мне не хотелось бы, чтобы он испортил церемонию.

— Он не портит церемонию. Он живёт. Разница существенная.

— Ты всегда так дерзишь заказчикам?

— Только в пределах оплаченного времени.

Лада приблизилась. От неё пахло тёплой ванилью и чем-то острым. Она посмотрела мимо моего плеча, проверяя, нет ли свидетелей.

— Не советую тебе сегодня устраивать сцен. Максима это утомляет.

— Тогда передайте ему витамины. Я работаю, а не выступаю.

Она усмехнулась.

— Понимаю, тебе неприятно возвращаться сюда после той истории с ребёнком.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось. О нашей потере писали мельком, без деталей, и я не общалась с Ладой никогда. Она не должна была знать, что именно случилось между мной и Максимом.

— Откуда вы знаете об этой истории?

— В нашем кругу нет секретов.

— В вашем кругу нет деликатности. Это разные вещи.

— Осторожнее, Алиса. Невесте в свой вечер обычно уступают.

— Обязательно. Как только она назовёт источник информации.

Лада посмотрела на серебряные часы, делая вид, что мой вопрос не заслуживает ответа. Её позвали к фотографу. Она отошла быстро, но я успела заметить, как сильно сжались её пальцы на телефоне.

На сцене проверяли микрофоны. Один давал неприятный свист. Фотограф требовал убрать из кадра огнетушитель, который пожарный инспектор, по счастью, считал полезнее фотографа. Я раздавала указания автоматически. Мысли возвращались к Даниной шее, к пальцам Татьяны, застёгивавшим воротник, к внезапной осведомлённости Лады.

Через двадцать минут появился Руслан Миронов. Мужчина лет сорока пяти, широкоплечий, с короткой стрижкой. Он обнял Максима одной рукой, другой приобнял Ирину Леонидовну, говорил громко и смеялся неестественно. В руках держал плоскую папку.

— Лада! — крикнул он. — Моя красавица! Где тебя носит? Мы с твоим отцом уже всё решили.

— Разумеется, — сухо сказала Лада, подойдя. — Женщины сегодня нужны исключительно для фотографии.

Я невольно прислушалась. Руслан неожиданно посмотрел прямо на меня. Взгляд был не праздный: быстро пробежался по бейджу, по планшету, остановился на лице. Он отвёл Ирину к нише за декоративной перегородкой.

— Кто её пригласил? — услышала я.

— Подрядчик, — отрезала Ирина.

— Это опасно.

— Для кого? — спросила она так холодно, что у меня побежали мурашки.

Дальше они заговорили тише. Я могла бы подойти, но в этот момент Жене срочно понадобились ключи от технической комнаты, а на кухне выяснилось, что детские пирожные украшены настоящими орехами, хотя в списке аллергий у одного из гостей стояли орехи под строгим запретом. Я отложила тревогу на десять минут. Работа в организации мероприятий состоит из тысячи маленьких пожаров, и иногда самый опасный ждёт, пока ты спасёшь остальных.

На церемонии Максим говорил заученными фразами. Лада держала его руку, словно проверяла пульс сделки. Ирина улыбалась в первом ряду. Глеб Долин, отец жениха, сидел рядом, изредка поглядывая на официанта с бокалами. Своим мягким, почти безобидным видом он вводил людей в заблуждение. Я помнила, как четыре года назад он шуточками заглушал каждый неудобный вопрос, пока решалась моя судьба.

Даню усадили в дальнем ряду между Татьяной и няней, которая внезапно всё-таки нашлась. Мальчик старательно махал Геннадием и никому не мешал. Я смотрела на него поверх экрана с таймингом и не могла заставить себя отвернуться.

После обмена кольцами зал зааплодировал. Мальчик тоже захлопал — не потому, что понимал происходящее, а потому, что все были рады. Он глянул на меня, увидел, что я стою неподвижно, и сделал смешную гримасу. Я едва не рассмеялась и едва не расплакалась одновременно.

После церемонии Глеб поймал меня у стола с десертами. На его лице была улыбка человека, который сделал всё необходимое, чтобы праздник состоялся, и теперь рассчитывает на законный отдых.

— Поздравляю, — сказал он. — Вы снова заставили людей поверить, что семейная жизнь начинается под музыку и с идеально выровненных свечей.

— Обычно она начинается с обсуждения того, кто вынесет мусор.

— Звучит страшнее нашего совета директоров.

Он предложил мне бокал шампанского. Я отказалась: в работе ещё оставались два часа, и я не собиралась вручать будущему следователю прекрасную историю о координаторе, пьющей с гостями.

Глеб пожал плечами, но не ушёл. Некоторое время мы смотрели на зал. Максим разговаривал с отцом Лады, который показывал ему что-то на планшете. Лада стояла рядом, улыбаясь фотографу. Ирина переходила от одного столика к другому, словно проверяла результат инвентаризации.

— Вы знали, что они собираются жениться? — спросила я.

— Знал, что они обсуждали это. В нашем доме иногда трудно понять, когда разговор о браке заканчивается и начинается разговор о поставках.

— А Максим согласен?

— Он взрослый человек, Алиса.

— Это не ответ.

Глеб долго молчал. Потом сказал:

— Мой сын считает, что обязан исправлять все ошибки родителей. Я не сумел объяснить ему, что некоторые ошибки надо оставить их авторам.

Я посмотрела на него. Слишком поздно было слушать подобные мудрости от человека, который четыре года назад предпочёл не вмешиваться.

— Вы могли объяснить раньше, — сказала я.

Он кивнул. И впервые не пошутил.

Позже во время ужина я услышала, как отец Лады говорит партнёру о сроках подписания кредитного соглашения. Они обсуждали дату свадьбы как необходимое условие сделки. Один из мужчин спросил, не слишком ли быстро всё происходит. Второй ответил, что «семья Миронова настаивает на определённом графике». Я сделала вид, что проверяю салфетки, но запомнила фразу.

Ночью, когда праздник закончился, я записала в рабочем блокноте все странности вечера. Отдельной строкой — «Почему Руслан так интересуется свадьбой?» Тогда мне казалось, что вопрос относится только к деньгам. Позже оказалось, что это был один из способов удерживать Долиных в общей системе секретов.

Позднее, когда гости перешли к ужину, я подошла к стойке охраны.

— Попросите показать список посещений детской комнаты, — сказала я администратору. — Проверяем, не забыли ли кого-нибудь при рассадке.

Это звучало вполне профессионально. На экране действительно были записи. Даня Миронов, четыре года. Контактное лицо Татьяна Миронова. Дата рождения.

Я посмотрела на цифры.

Тот же день. Тот же месяц. Тот же год, который четыре года назад разрезал мою жизнь на две части.

Глава 3. Лифт, который знал слишком много

Я познакомилась с Максимом за полтора года до рождения сына, когда мне ещё казалось, что главная неприятность в жизни — заказчик, который меняет цвет скатертей за час до праздника.

Лифт в бизнес-центре остановился на седьмом этаже, не открыв двери. Я везла коробки с карточками рассадки, два букета и искусственную голову оленя, нужную банку для новогодней рекламы. Максим держал ноутбук и стакан кофе. При первом толчке кофе пролился на его ботинок, а рога оленя аккуратно легли ему на плечо.

— Это знак? — спросила я.

— Надеюсь, нет. У меня утром было совещание.

— Тогда точно нет. Олень на совещании был бы единственным невиновным.

Он поставил стакан на пол и нажал кнопку вызова. Из динамика женщина объявила, что специалист уже направлен. Судя по вздоху Максима, он собирался выкупить здание вместе с её рабочим местом.

— Боитесь замкнутых пространств? — поинтересовалась я.

— Не люблю задержки, которые невозможно спланировать.

— Попробуйте родиться в семье без денег. Там всё время что-то невозможно спланировать.

Он посмотрел на меня внимательнее, чем требовала ситуация. Потом рассмеялся. Мне понравилось, что он не стал изображать оскорблённого богача. На тот момент я даже не знала, насколько точно попала.

Мы просидели в лифте сорок минут. Он рассказал о скучной встрече с партнёрами, я — о женщине, которая потребовала живых лебедей на закрытый корпоратив. Утром организаторы обнаружили, что для лебедей не предусмотрели воду, и пришлось заменить их белыми тканевыми инсталляциями. Максим слушал серьёзно, словно перед ним был международный конфликт.

— И чем закончилось?

— Клиентка попросила вернуть часть денег. Сказала, искусственные лебеди не создают ощущения природы.

— А живые создавали бы?

— Особенно если бы стащили её серьги и нагадили на дорожку.

Когда нас освободили, он помог донести коробки, оставил номер телефона и предложил кофе. Я отказалась. Потом он написал мне в тот же вечер: «В лифте теперь есть аварийный запас воды для лебедей». Я ответила, что не встречаюсь с мужчинами, которые принимают решения без согласования с оленем.

На второе предложение выпить кофе согласилась.

Наши первые отношения с Максимом состояли из мелочей, которые в чужих рассказах обычно пропускают. Мы ходили за продуктами после моей работы. Он настаивал, что умеет готовить, и однажды сварил макароны так долго, что они превратились в неопределённую форму мягкой жизни. Я попросила его подписать блюдо как эксперимент. Максим согласился, но заметил, что результат требует независимой экспертизы.

По выходным мы ездили в небольшие города вокруг Казани. Гуляли по набережным, искали дешёвые кафе, спорили о музыке. Однажды заехали в мастерскую моего отца. Тот долго разглядывал Максима, потом попросил помочь переставить тяжёлый стол. Максим снял дорогой пиджак и без колебаний взялся за край. Отец кивнул, будто это была необходимая проверка личности.

После работы отец предложил чай, достал старые фотографии поездов и начал рассказывать о ремонте локомотивов. Максим слушал с интересом. Я впервые увидела его в семье, где никто не хотел произвести впечатление. Мама спросила, не голоден ли он. Он ответил, что да, и съел две порции простого супа.

Позже, когда мы возвращались, Максим сказал, что завидует мне. Я рассердилась: человек с огромным домом, машиной и работой завидует моей маленькой кухне?

— У тебя родители могут не соглашаться с тобой и не превращать это в вопрос семейной верности, — объяснил он. — Вы спорите, потом пьёте чай. У нас спор заканчивается тем, что кто-то месяц не разговаривает с другим.

Я не сразу поняла, насколько серьёзно он говорит. Мне казалось, всякая семья бывает сложной. Я даже пошутила, что у нас тоже есть трагедии: отец до сих пор утверждает, что выключенный утюг должен проверять лично.

Максим улыбнулся, но потом сказал:

— Я хочу однажды жить так, чтобы дома можно было не играть роль.

В тот вечер я впервые подумала, что ему нужна не просто любовь, а право быть обычным человеком. И готова была дать ему это право. Не знала только, что сама однажды заплачу за него слишком дорого.

У Максима было редкое качество: он действительно слушал. Не подбирал ответ заранее, не проверял уведомления, не объяснял, как мне улучшить жизнь за три шага. Он просто интересовался тем, что я говорю. Помнил мои маленькие победы, привозил ужин в ночные монтажи, однажды два часа искал серёжку, потерянную мной на пустой парковке. На четвёртом свидании я подумала, что ещё не встречала человека, с которым так легко молчать.

Фамилию он скрывал почти месяц. Когда я узнала, что «Макс из соседнего отдела» — наследник медицинской сети «Долин-Мед», мне было не столько обидно, сколько смешно от собственной слепоты. На одно его запястье можно было купить все мои кухонные приборы, включая сломанный чайник, который почему-то считал себя вечным.

— Не хотел, чтобы ты испугалась, — сказал он.

— Я не испугалась. Я сейчас подсчитываю, сколько ужинов из гречки ты получил по себестоимости.

— Мне нравилась гречка.

— Потому что не читал договор о поставке.

Встреча с его родителями случилась в марте. Дом у озера был заполнен предметами, у которых, вероятно, имелись личные охранники. Ирина Леонидовна изучала меня, как неутверждённый инвестиционный проект. Отец подмигивал и шутил о супружеских отношениях, которые по счастью никогда не рассматривали так подробно при мне.

— Ваша семья из Казани? — спросила Ирина за ужином.

— Из маленького города рядом.

— Какие у родителей занятия?

— Мама работала в библиотеке. Отец — слесарем на железной дороге.

— Понятно. А образование?

— У меня или у родителей? — уточнила я.

Максим сжал мою руку под столом. Его мать посмотрела на этот жест и на мгновение потеряла гладкую улыбку.

После ужина она отвела меня в сад. Между аккуратно подстриженными туями ей было удобнее говорить о чужих недостатках.

— Максим всегда увлекался необычными девушками, — сказала она. — Но семья предполагает ответственность.

— Разумеется. У нас тоже принято возвращать вещи и выключать утюг.

Она не оценила.

— Вы не из нашего круга, Алиса.

— Я заметила. У вас очень интересные способы здороваться.

Тогда я не понимала, почему она так боится меня. Дело было не только в деньгах. Сын разговаривал со мной так, как не разговаривал с ней: спорил, смеялся, иногда признавал свою неправоту. Для женщины, которая привыкла считать любовь формой управления, это было опаснее бедного происхождения.

В августе я узнала, что беременна. Максим обнял меня на кухне так крепко, что мы оба едва не упали вместе с табуретом.

— Я счастлив, — сказал он.

Я верила ему тогда. И до сих пор верила этому конкретному моменту. В отличие от всего, что случилось потом.

***

— Алис, слышишь? — Женя дёрнула меня за рукав. — Ты вернулась на Землю? У нас торт через пять минут.

Я стояла за колонной в «Белом береге», а на экране телефона светилась дата рождения Дани Миронова. Воспоминание обрушилось так внезапно, что я даже не заметила, как перестала слышать музыку.

— Да, — сказала я. — Торт. Давай выкатим.

— Ты точно в порядке?

— Нет. Но сейчас — работаю.

Женя несколько секунд смотрела на меня, потом кивнула. Она знала: это не приглашение обсуждать.

У дальнего столика Руслан Миронов что-то энергично объяснял Ирине. Татьяна сидела рядом с Даней и помогала ему разломить сухое печенье. Мальчик взял половинку, вторую протянул матери. Она поцеловала его руку.

Я посмотрела на дату ещё раз.

Совпадение — не доказательство. Но совпадений стало слишком много для одного вечера.

Глава 4. Сколько стоит хорошая память

Меня всегда раздражали люди, способные одновременно хохотать и говорить о чужих деньгах. На помолвке таких оказалось человек сорок, и все они, по странному соглашению, стояли ближе всего к закускам.

Торт привезли на час раньше, чем планировалось. Кондитер нервничал: позвонила жена, у неё поднялась температура. Я отпустила его, поручив двум помощникам охранять трёхъярусное сооружение от гостей и перепада температур. Потом нашла в служебной комнате небольшой стул, села и впервые за вечер позволила себе открыть фотографию из старой папки.

Младенец на фотографии был завёрнут в больничную пелёнку. Снимок сделала акушерка сразу после родов, пока я ещё была в сознании. Качество ужасное: размытое плечо, край щёки, белая простыня. Пятна на нём почти не видно — но я помнила, где оно находилось. Врач позднее говорил, что это простая пигментация, не опасная для здоровья. Я не думала об этом четыре года, пока не увидела Даню.

Я отложила телефон. Мне хотелось немедленно побежать к Татьяне и потребовать объяснений. Оставалась маленькая проблема: объяснить сначала самой себе, на каком основании я собираюсь ломать жизнь женщине и ребёнку.

Дверь открылась. Вошёл Глеб Долин с двумя стаканчиками кофе.

— Наша незаменимая Алиса! — объявил он. — Убежище от высшего общества найдено. Можно сесть?

— Убежище не предусмотрено для гостей. Но пожарная сигнализация разрешает.

Он поставил стаканчик передо мной и сел без приглашения. Стал разглядывать стену, будто здесь выставили редкую живопись.

— Вы похудели, — сказал он.

— Вы всё так же начинаете разговоры с рискованных тем.

— Привычка. Ирина утверждает, что из-за меня у компании высокий бюджет на юристов.

— Возможно, ей есть с чем сравнить.

Он улыбнулся и вдруг стал серьёзным.

— Я видел, как вы смотрели на сына Руслана.

В горле пересохло. Я обхватила стаканчик ладонями, хотя кофе был обжигающим.

— Дети мне нравятся.

— Этот ребёнок бывает у нас часто. Хороший мальчик.

— Уверена.

— Татьяна очень его любит.

Я подняла глаза.

— А вы рассказываете мне это потому, что…?

Глеб отвёл взгляд. Из коридора донёсся хохот гостей. Он стал перекатывать стакан между пальцами.

— Потому что не всякая правда делает людей счастливее, — наконец сказал он.

— Вы знаете какую-то правду?

— Знаю, что жизнь часто сложнее человеческих ожиданий. С возрастом это понимаешь. К сожалению, иногда слишком поздно.

— Ваш сын тоже так считает?

— Максим привык считать, что если он очень постарается, сможет защитить всех. Мне это знакомо. Только мы, Долины, плохие защитники. Мы отлично умеем покупать безопасность, а потом удивляемся, почему рядом больше никого нет.

Я ждала конкретного ответа. Он не последовал.

— Глеб Андреевич, — сказала я тихо. — Если вы пришли меня предупредить, то хотя бы скажите, о чём.

Он постоял у двери. Когда заговорил, привычная ирония исчезла.

— Пожалуйста, не ищите ответы здесь, на празднике.

— Почему?

— Потому что Ирина ненавидит сюрпризы. Особенно те, которые касаются семьи.

Дверь закрылась. Я сидела с остывающим кофе и понимала, что его визит убедил меня сильнее даты рождения. Человек, которому нечего скрывать, не приходит в служебную комнату предупреждать координатора о правде.

Вечером, уже после торта и фейерверка, я попросила у охраны записи камер из коридора. Мне ответили, что их выдадут только по официальному запросу. Я кивнула: справедливо. Зато у меня остался список работников, журнал выдачи ключей, план площадки и тот самый инцидент с детскими пирожными, который мы задокументировали ради безопасности гостей. Мальчик с аллергией не ел торт. Татьяна заранее попросила заменить для него десерт. В карточке аллергии стояло его полное имя и телефон педиатра.

Я ничего не собиралась красть из медицинской карты. Мне требовалось понять, где он живёт, кто заботится о нём и как спросить, не напугав. Но за ночь желание получить ответы превратилось в навязчивый шум. Я уснула в четыре, проснулась в половине шестого. На кухне чайник щёлкал, как неисправный метроном.

Женя приехала без предупреждения. Принесла сырники и встала передо мной, уперев руки в бока.

— Или ты рассказываешь, что произошло, или я сейчас сама придумаю. У меня фантазия довольно разрушительная.

Я показала ей фотографию младенца и записанную дату рождения Дани. Рассказала про пятно и Глеба. Женя слушала без шуток. Это было почти страшнее, чем её обычный поток комментариев.

— У тебя есть доказательства? — спросила она.

— Нет.

— Тогда сейчас мы не бежим к мальчику. Не пишем его матери. Не орём на бывшего. Сначала разговариваем с человеком, который умеет проверять документы.

— С кем?

— У меня есть один знакомый юрист.

— Тот, который судился с собственной управляющей компанией из-за запаха краски?

— Именно. Представь, что он сделает с похищением ребёнка.

Я впервые за сутки рассмеялась. Смех получился коротким, но настоящим. Женя поставила передо мной тарелку.

— Ешь. Героини на пустой желудок принимают отвратительные решения.

Телефон зазвонил, прежде чем я успела взять вилку. Незнакомый номер.

— Алиса Андреевна? — спросил мужчина. — Я представляю интересы семьи Долиных. Нам необходимо обсудить обстоятельства вашего присутствия на вчерашнем мероприятии.

— Вы звоните координатору с жалобой на цветы?

— Нет. Разговор касается мальчика, с которым вы общались.

Женя молча отложила свою вилку.

После визита Глеба я достала папку с фотографиями беременности. Там были снимки нашей квартиры, будущей детской, коробок с книгами и маленького ночника в форме облака. Я долго не решалась смотреть. Когда-то каждое изображение напоминало, что у меня нет ребёнка, ради которого всё это покупалось. Теперь оно стало частью возможного расследования.

На одном фото Максим собирал детскую кроватку. Он сидел на полу, держал инструкцию вверх ногами и спорил с отсутствующей службой поддержки. Я смеялась за кадром. Другой снимок показывал мою руку на животе и тень от окна. В тот день мы впервые почувствовали сильный толчок сына и полчаса пытались убедить его повторить. Он, очевидно, уже тогда не собирался выполнять чужие распоряжения.

Я сложила фотографии обратно и позвонила тёте Марии. Спросила, помнит ли она, какие вещи мне вернули после родов. Тётя ответила, что привезли почти всё, кроме двух пакетов с вещами ребёнка. Она тогда не стала спорить с курьером, потому что я не могла смотреть даже на пустую кроватку. Я попросила записать это и, если найдутся старые сообщения, сохранить их.

Через час тётя прислала фотографию списка, который составила сама в день переезда. Там было отмечено: «коробка с носками, два одеяла, документы, нет детского комбинезона из клиники». Я посмотрела на строчку и вдруг вспомнила, что комбинезон действительно купили вместе с Максимом. Он был ярко-жёлтым, с маленькими звёздами. Почему его не вернули? Возможно, вещь просто потерялась. Но теперь я поняла, сколько деталей пропустила, потому что не могла тогда думать о них.

Я отправила список Льву. Он предупредил, что старое воспоминание само по себе не станет доказательством, однако может помочь установить, какие вещи находились в клинике и кто ими распоряжался. Я поблагодарила. Не хотелось больше превращать надежду в уверенность раньше времени.

Вечером я снова открыла фотографию кроватки. На этот раз не плакала. Долго смотрела на неё и думала, что ребёнок, возможно, всё это время жил совсем в другой комнате. Ему читали другие книги, дарили другие игрушки, называли другим именем. И если когда-нибудь я узнаю правду, мне придётся принять его настоящую жизнь, а не пытаться вернуть фотографию, которой уже четыре года.

Глава 5. Беременность как семейный проект

К девяти утра мужчина по телефону успел представиться Антоном Резниковым, юристом службы безопасности «Долин-Мед», и предложить встречу. Я успела сказать, что все рабочие вопросы решаются через агентство. Он ответил, что дело личное. Слово «личное» в исполнении сотрудников крупной компании звучало как уведомление о штрафе.

Мы встретились в кафе у моего дома. Женя сидела за соседним столиком с книгой, которую держала вверх ногами. Для конспирации этого было недостаточно, но она уверяла, что профессионалы не обращают внимания на очевидное.

Антон был молод, хорошо одет и говорил таким мягким голосом, каким сотрудники банков предлагают лишнюю страховку. Он положил передо мной конверт.

— Наша компания высоко оценивает вашу работу. Есть возможность трудоустройства в дочерней структуре в Москве. Условия существенно выше рынка.

— За какой именно профессиональный подвиг? Я поймала падающий бокал?

— Нам известно, что присутствие на помолвке оказалось для вас эмоционально сложным.

— Известно кому?

— Семье.

Я не открыла конверт.

— Каким образом мальчик Мироновых связан с вашим предложением?

Его пальцы остановились на чашке.

— Не понимаю вопроса.

— Тогда вы слишком рано пришли на встречу. Подумайте и назначим следующую.

Он улыбнулся так, словно я проявила излишнюю эмоциональность.

— Алиса Андреевна, иногда навязчивое возвращение к травматическому событию приносит вред. В первую очередь самому человеку.

— А иногда травматическим становится человек, который выдаёт это за заботу.

Конверт он забрал. После его ухода Женя подсела ко мне, поставила книгу на стол и сказала:

— Ты только что отказалась от очень приличной зарплаты.

— Ты видела цифры?

— Нет, но у него ботинки дороже моего ноутбука. Такие люди обычно не предлагают стажировку в отделе бумажных полотенец.

***

Когда я узнала о беременности, Максим был счастлив. Сначала. Потом позвонил матери, и радость быстро обрела приложения: список врачей, расписание обследований, договор с роддомом, охрану, страховой пакет. Ирина не спрашивала, нужна ли мне помощь. Она сообщала, что помощь уже назначена.

Я хотела наблюдаться в обычной хорошей клинике, где меня знала врач. Ирина настояла на медицинском центре своей сети. Максим убеждал, что это спокойнее, безопаснее. Он говорил со мной ласково и разумно. В этом была главная трудность: никто не пытался приковать меня к батарее. Меня просто окружили удобствами, от которых становилось всё меньше места для собственного решения.

На семейном ужине объявили, что ребёнка следует назвать в честь деда. Я объяснила, что имя мы с Максимом выберем сами. Глеб поднял бокал и предложил назвать внука Интернетом — тогда все будут нуждаться в нём постоянно. Максиму стало смешно. Ирине — нет.

На седьмом месяце я получила приглашение на очередной «семейный совет» по поводу будущего малыша. Я пришла с распечаткой собственного плана родов и положила на стол рядом с серебряным чайником.

— Я хочу, чтобы Максим был со мной, — сказала я. — Хочу видеть ребёнка сразу после рождения. И чтобы любые медицинские решения объясняли прежде всего мне.

— Разумеется, — кивнула Ирина. — Мы все заинтересованы в вашем спокойствии.

— Тогда почему мне позвонили из клиники и сообщили, что мою смену врача изменили?

— Лучший специалист освободился.

— Он освободился сам или ему сообщили, что должен?

Максим смотрел на нас по очереди, как водитель на две встречные машины. В тот вечер он не встал на мою сторону. Ирина обняла меня за плечи и сказала, что я просто слишком впечатлительна.

За несколько недель до родов у нас с Максимом случилась первая серьёзная ссора. Я отказалась подписывать предложенное клиникой согласие, в котором не понимала несколько пунктов. Хотела поговорить со своим врачом, уточнить варианты и только потом решать. Ирина пришла к нам вечером с папкой, заявила, что специалисты всё подготовили, и попросила не затягивать.

— Мне кажется, это решение касается моего тела, — сказала я.

— Разумеется, дорогая. Но ты не специалист.

— Поэтому и хочу спросить специалиста, а не вашу помощницу.

Максим попытался вмешаться. Сказал, что мать заботится о нас, что клиника хорошая и не стоит волноваться из-за формальностей. Я почувствовала себя очень одинокой в собственной квартире.

— Ты можешь хотя бы один раз спросить, чего хочу я? — сказала я ему, когда Ирина ушла.

Он замолчал. Потом обнял меня и обещал, что обязательно будет рядом во время родов. Я хотела поверить. В тот вечер он действительно позвонил врачу и попросил объяснить все документы. Но через несколько дней снова позволил матери изменить наши планы без обсуждения.

На последнем приёме Зоя измерила давление и попросила заполнить обычную анкету. Я спросила, почему она выглядит такой усталой. Она вздрогнула и ответила, что много ночных смен. Я предложила ей присесть хотя бы на минуту. Она удивилась, словно в клинике пациенты редко замечали, что у персонала тоже есть ноги и бессонные ночи.

— У вас всё будет хорошо, — сказала она неожиданно.

— Надеюсь. А у вас?

Она посмотрела на дверь.

— Я постараюсь.

Тогда я решила, что речь о её личных проблемах. Позже эта фраза стала одним из воспоминаний, которые я не могла спокойно произнести вслух. Возможно, Зоя уже знала, что кто-то готовит незаконное решение. Возможно, боялась совсем другого. Я не имела права превращать свою догадку в факт.

Ночью перед родами мы с Максимом долго разговаривали. Я рассказывала, как хочу научить сына плавать, как будем ездить к моим родителям, как он однажды пойдёт в школу и станет спорить с учителями. Максим слушал, положив голову мне на колени. Потом сказал, что хотел бы дать ребёнку другое детство, чем было у него.

— Без семейных советов? — уточнила я.

— Без необходимости заслуживать одобрение. Пусть растёт человеком, который может ошибаться.

Я погладила его волосы. Тогда мне казалось, что одно такое желание уже защитит нас. Теперь я знала: желания мало. Надо ещё суметь сказать «нет» человеку, который считает себя вправе решать за твою семью.

За неделю до родов в клинике появились новые медсёстры. Одна из них, Зоя Павлова, разговаривала со мной коротко и почти не улыбалась. Однажды ночью я обнаружила её в коридоре у окна: она плакала, быстро вытирая щёки рукавом. Увидев меня, извинилась и ушла.

Я тогда не спросила почему. Последние месяцы беременности научили меня беречь вопросы: любой мог превратиться в длинный разговор с Ириной Леонидовной.

В день родов Максим уехал по звонку отца. Глеб попал в неприятную историю с кредиторами. Максим обещал вернуться до вечера. Схватки начались раньше.

В клинике у меня забрали телефон, сославшись на правила стерильности и необходимость не отвлекаться. Я требовала позвонить Максиму. Зоя отвечала, что ему уже сообщили. Когда врач предложил обезболивание, он объяснил, что процедура стандартная. Я задавала вопросы, но между схватками слова плохо слушались. Меня охватило ощущение, что я одна в длинном коридоре, где все двери уже закрыли.

Сын появился на свет ранним вечером. Я услышала его крик, почувствовала облегчение и увидела крошечное лицо. Его повернули боком. На шее, у самого плеча, было тёмное пятно. Я сказала: «Привет». Потом попросила дать его мне. Зоя ответила, что сначала ребёнка осмотрит неонатолог.

Следующее воспоминание — белый потолок, головная боль и Ирина возле кровати. Максим стоял в дверях. Он приехал слишком поздно, был бледен и растерян. Врач говорил об осложнении, остановке дыхания, безуспешной реанимации. Я просила показать сына. Мне показали неподвижного младенца, завёрнутого в плотное одеяло. Я не видела пятна. Просила развернуть. Мне отказали, ссылаясь на тяжёлое состояние тела и моё здоровье.

Тогда я решила, что сумасшествие начинается с неверной детали. Что память цепляется за одно пятнышко, потому что не способна принять смерть целого человека.

Через неделю меня выписали. Отдали бумаги, не объяснив, почему некоторые подписи стояли на пустых местах, а некоторые документы уже были оформлены без моего участия. В тот момент мне было всё равно. Я знала только, что в нашей квартире стояла пустая детская кроватка, а молоко приходило, несмотря на все печати.

Максим уехал разбираться с отцом и матерью. Потом я получила от его помощника сообщение: он не хочет возвращаться к прошлому. Через несколько дней курьер привёз вещи и деньги. Я вернула деньги. Курьер привёз их снова. Женя забрала конверт, чтобы я не сожгла его вместе с кухонной скатертью.

Я переехала к тёте. Меняла телефоны, работу, привычки. Снова училась вставать по утрам. Мне казалось, что жизнь, которую я потеряла, была единственной доступной мне жизнью.

***

Теперь на моей кухне стоял тот же чайник. Женя внимательно смотрела на меня, пока я раскладывала старые медицинские документы.

— Помнишь, ты говорила, что после родов не получила оригинал протокола? — спросила она.

— Мне выдали выписку.

— Попросим копию. Официально. Письменно. И ещё укажем, что хотим узнать, кто заполнял карту.

Я взяла ручку. Руки дрожали. За четыре года я много раз возвращалась мыслями в ту ночь, но ни разу не начинала с простого заявления.

Когда мы пришли в клинику, администратор улыбнулась и попросила подождать. Через десять минут вышла руководитель отдела по работе с пациентами и сообщила, что архив временно недоступен из-за модернизации системы.

— А бумажные документы? — спросила я.

— Часть передана на централизованное хранение.

— Где именно?

— Мы сообщим после проверки.

Она несколько раз взглянула на экран телефона. Я поняла: кто-то предупреждал её о нашем приходе.

Мы оставили заявление с отметкой о получении. Уже на улице Женя заметила на крыльце знакомого человека: юриста Антона. Он разговаривал с охранником и смотрел нам вслед.

— Кажется, мы наконец попали в правильный кабинет, — сказала Женя.

— Почему?

— Потому что там уже знают, чего мы спросим, и всё равно не готовы ответить.

Глава 6. Заказчик всегда неправ

На следующий день меня вызвала начальница. Вера Борисовна любила срочные совещания так же, как кошки любят закрытые двери: ей непременно требовалось проверить, что за ними.

— У нас отменили три крупных заказа, — сообщила она, пока я ещё снимала пальто. — И все три связаны с Долиными. Ты можешь объяснить?

Я могла. Но начинать понедельник с признания, что подозреваю крупнейшую медицинскую сеть города в похищении ребёнка, казалось невежливым по отношению к кофе.

— Возможно, им не понравился торт.

— Алиса.

— Я соблюла договор. Жалоб по мероприятию нет.

Вера Борисовна сняла очки. Под глазами у неё залегли тени. Агентство существовало двенадцать лет, пережило пандемию, финансовые кризисы и клиентов, требовавших устроить дождь из живых бабочек в декабре. Но три отменённых заказа одним утром она переживала с трудом.

— Мне звонили, — сказала она тихо. — Предложили убрать тебя с проектов. Не увольнять, нет. Просто дать тебе отдохнуть. За твой счёт, разумеется.

Я почувствовала прилив злости. Не на Веру. На то, как легко чужие взрослые люди распоряжались моей жизнью.

— Я уйду сама, — сказала я. — Не хочу, чтобы ты потеряла агентство.

— Не торопись благородствовать. Ты ещё должна мне отчёт и две флористические сметы. Потом посмотрим.

Она протянула папку. Внутри лежала копия договора с «Белым берегом» и акт оказанных услуг. Я машинально заметила, что заказчик в последнюю неделю изменил условия размещения детской комнаты: её перенесли из основного здания во флигель, куда не попадали камеры зала. Изменение внесли по просьбе помощницы Ирины. Формально ничего подозрительного. Богатые гости часто не желают, чтобы их дети мешали торжествам.

— Можно оставить копию? — спросила я.

— Для отчёта — да. Ты ведь официально вела проект.

Я принесла документы Жене. Она выложила на кухонный стол цветные маркеры и заявила, что раскрытие преступления нужно начинать с правильной канцелярии. Мы выписали время заказа, время изменений, список сотрудников, кто сопровождал детей, и выяснили одну странность: Руслан Миронов подтвердил участие своего сына за месяц до помолвки, но в последней версии рассадки его карточку удалили. Затем вернули за два дня до праздника, уже без места за общим столом.

— Кто-то сначала решил не приводить Даню, — сказала Женя. — Потом передумал.

— Или его присутствие скрывали от другого человека.

— От тебя?

Я не ответила. В моём мире любая догадка теперь могла рассыпаться под собственным весом.

Я забрала отчёт домой и разложила документы на полу. На столе не хватало места: там уже обосновались чашки, коробки от еды и старые выписки из клиники. Женя приехала с цветными стикерами и без приглашения объявила, что я веду расследование как плохой бухгалтер.

— Всё должно иметь номер, дату и место, — сказала она. — Даже твой бывший. Особенно твой бывший.

Мы составили простую схему. За месяц до праздника Руслан подтвердил, что придёт с женой и сыном. Третьего числа менеджер комплекса отправил список рассадки организаторам.

Шестого представитель Долиных попросил перевести детскую комнату в отдельный флигель. Девятого карточку Дани удалили из общего списка. Одиннадцатого вновь внесли его фамилию, но место за столом не назначили. Вскоре после этого Руслан оплатил дополнительную охрану бокового входа.

— Выглядит как подготовка побега из детского сада, — сказала Женя.

— Или как попытка сделать ребёнка невидимым. Зачем вообще везти его на помолвку, если он мешает?

— Няня заболела. Так говорила Татьяна.

— Няня заболела в тот день. А изменения планировали за неделю.

Мы замолчали. Это была важная деталь, но она не превращала подозрения в доказательство. Няня могла отказаться раньше, планы могли меняться несколько раз. Я записала вопросы, не ответы.

Мне пришло письмо от Веры Борисовны. Она просила проверить перечень подрядчиков для нового проекта, чтобы понять, кто согласен продолжать работу с агентством. В строке «охрана» стояла фамилия сотрудника комплекса. Я узнала его по бейджу: на помолвке он подошёл к Ирине как раз после разговора с Русланом. Он был ответственным за камеры в боковом коридоре.

Я позвонила ему по рабочему номеру. Представилась, попросила закрыть технический отчёт и уточнить, не было ли перебоев записи на протяжении вечера. Сотрудник ответил, что не вправе обсуждать персональные данные гостей, но может сообщить о техническом состоянии систем: сбоев не зафиксировано. Это значило, что запись, возможно, сохранилась. Я поблагодарила и не стала настаивать.

— Ты могла спросить, видел ли он мальчика, — заметила Женя.

— Могла. И если бы он потом рассказал Ирине, я бы получила ещё одну проблему вместо ответа.

К концу вечера кухня выглядела как офис комиссара по чрезвычайным ситуациям. Женя пыталась крепить стикеры на холодильник, но магниты не держали половину листов. Мы приклеили их к двери скотчем. Получилось красиво в том смысле, в каком красиво бывает после стихийного бедствия, когда люди наконец разобрали завалы.

Я поймала себя на неожиданной мысли: мне снова интересно работать. Не потому, что подозрения радовали. Просто привычные навыки — видеть непорядок в расписании, помнить, кто куда вошёл, различать настоящие изменения и формальные — вдруг перестали быть чем-то, за что мне платят. Они стали единственным способом не утонуть в страхе.

Вечером позвонил Максим. Я смотрела на экран до последнего сигнала, а потом подняла трубку.

— Ты была сегодня в клинике, — сказал он.

— Если это вопрос, то да.

— Мама говорит, ты требуешь чужие медицинские документы.

— Я требую свои.

Пауза. Затем он спросил так тихо, что я почти не узнала его голос:

— Ты думаешь, нам солгали?

Я закрыла глаза. «Нам». За четыре года он ни разу не произнёс это слово в моём присутствии.

— Я пока ничего не знаю, Максим. Но мне не дают узнать. А твоя мать уже предлагает деньги, чтобы я перестала задавать вопросы.

— Что?

— Уточни у неё. Она любит отчёты.

Я отключилась. Впервые разговор с Максимом не опустошил меня. Он стал маленьким, осторожным шагом к чему-то, чего я ещё боялась назвать надеждой.

Список подрядчиков оказался полезнее, чем я ожидала. На следующий день мне позвонил один из фотографов, работавших на помолвке. Он попросил подписать акт за дополнительную съёмку: заказчик внезапно потребовал убрать с общего диска часть фотографий, а агентство не хотело оплачивать повторную обработку.

— Какие снимки? — спросила я.

— Детская комната, служебные коридоры и группа гостей возле бокового входа. Сказали, что кадры слишком бытовые и портят общий стиль. Но я всё снял по утверждённому плану.

Я попросила его сохранить исходные файлы и не удалять их без надлежащих оснований. Он ответил, что сохраняет рабочие архивы по договору, и сразу насторожился: спросил, что произошло. Я объяснила, что сейчас проверяются обстоятельства мероприятия и, возможно, некоторые материалы потребуется официально запросить. Он кивнул и пообещал ничего не менять.

Через час я рассказала об этом Льву. Тот заметил, что фотографии сами по себе могут ничего не доказывать, но помогут уточнить, кто присутствовал в определённое время и какие изменения в организации праздника действительно были. Он попросил не собирать чужие личные снимки через знакомых, а сообщить сведения тем, кто имеет право запрашивать материалы.

Я снова почувствовала раздражение. В моём мире организаторов всё решалось быстрее: попросил фотографа прислать кадры, получил, проверил. Теперь между мной и ответами стояли процедуры. Но постепенно я понимала, что именно они могут защитить дело от превращения в набор неподтверждённых картинок и слухов.

Позже фотограф прислал только свои рабочие пояснения к акту. В них значилось, что помощница Ирины лично попросила изменить маршрут съёмки за сорок минут до церемонии. Я вспомнила, как видела её возле детского флигеля, когда шла проверять освещение. Никаких преступных действий тогда не было. Но хронология становилась точнее.

Женя предложила отпраздновать это маленькое достижение пирогом. Я ответила, что у нас пока нет достижения, а только ещё одна строка в таблице. Она заявила, что строки тоже заслуживают праздников, иначе таблицы обидятся и перестанут работать. Мы купили пирог и съели его на кухне, стараясь не говорить о мальчике хотя бы полчаса.

Вечером я открыла рабочий календарь и увидела, что скоро наступит годовщина смерти отца. Он ушёл из жизни за год до рождения сына, не успел узнать о беременности. Я подумала, как многое рассказала бы ему сейчас. Он всегда учил меня проверять крепление, прежде чем становиться на лестницу. Не потому, что не доверял людям, а потому что одна маленькая гайка иногда решает слишком многое.

Я достала из ящика его старый карманный блокнот. На последней странице были записаны размеры деталей для ремонта садовой калитки. Почерк ровный, уверенный. Я положила блокнот рядом со своей таблицей и подумала: наверное, он посоветовал бы мне сначала найти правильную гайку, а потом уже пытаться открыть дверь.

Глава 7. Женщина, которую он зовёт мамой

Татьяна Миронова согласилась встретиться только после того, как я объяснила по телефону, что хочу задать вопрос о роддоме, где четыре года назад наблюдалась сама. Слово «сын» я не произнесла. Мне не хотелось, чтобы женщина бросила трубку до первого разговора.

Мы встретились в небольшом кафе возле парка. Она пришла с Даней, потому что няня опять была занята. Мальчик узнал меня, радостно объявил, что Геннадий вчера потерял хвост, и предложил мне собственноручно его приклеить. Я согласилась — не из хитрости, а потому что при виде ребёнка все заранее подготовленные вопросы вдруг стали глупыми.

Татьяна заказала ему какао. Себе — чёрный кофе. В отличие от помолвки она была без макияжа, с собранными волосами, в простой синей куртке. Выглядела усталой. Не злой, не преступной. Просто усталой женщиной, которой некогда заниматься чужими тайнами.

— Давайте прямо, Алиса, — сказала она. — Руслан недоволен нашей встречей. Он считает, вы хотите испортить ему репутацию.

— Я его почти не знаю.

— Именно поэтому он особенно недоволен.

Я улыбнулась, не ожидая такой реплики.

— Почему вы спрашивали о месте рождения Дани? — продолжила Татьяна.

Я посмотрела на мальчика. Он обмакнул палец в пенку какао и нарисовал белую полоску на подбородке динозавра. Мне хотелось спросить прямо: «Вы знали, что его могли украсть?» Но нельзя бросать такую фразу перед ребёнком. Она застряла бы в его памяти без объяснений.

— Я потеряла сына четыре года назад, — сказала я. — В клинике Долиных. Даня родился в ту же дату. И у него есть отметина, которую я помню у своего малыша. Я понимаю, как это звучит. Не прошу вас верить. Просто хочу разобраться.

Татьяна замерла. Потом посмотрела на Даню. Она не обняла его демонстративно и не стала возмущаться. Её лицо побледнело, а пальцы легли на салфетку так плотно, что бумага смялась.

— Мой сын не игрушка для чужой боли, — произнесла она наконец.

— Знаю.

— Вы не знаете, что значит услышать такое о своём ребёнке.

— Знаю, что значит услышать, будто моего ребёнка больше нет.

Она отвернулась к окну. За стеклом женщина толкала коляску, спеша через пешеходный переход. Мир продолжал двигаться без нашего разрешения.

— Я не рожала Даню, — сказала Татьяна после долгого молчания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.